

Вестник Русского сада

Цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд

Время человеческое

Владимир Зворыкин · Гюнтер Андерс · Иван Бунин · В следующем номере

Самая важная деталь телевизора

*Владимир Зворыкин: из Мурома — через
Сибирь, Арктику и два океана — в Америку.*

Как получилось, что Владимир Зворыкин, один из создателей электронного телевидения, к концу жизни называл самой важной деталью телевизора выключатель?

Неужели изобретатель разочаровался в собственном детище?

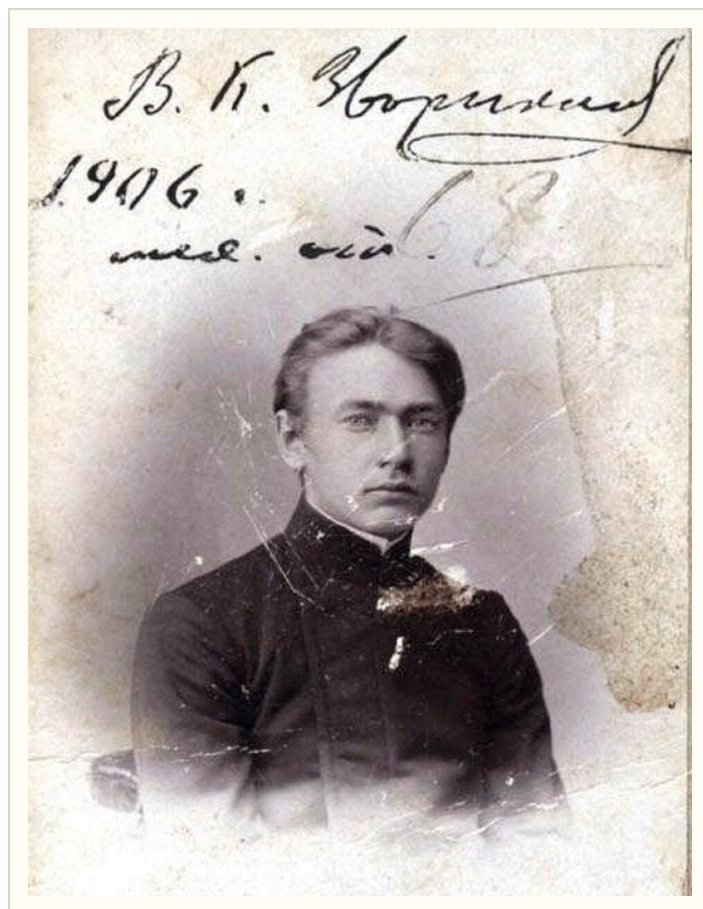
Чтобы разобраться в этом парадоксе, нам придётся отправиться в путешествие. Из старинного русского Мурома — в Петербург, оттуда в революционную Сибирь, через Северный Ледовитый океан — в Америку. Потом снова в Сибирь, на этот раз через Тихий океан. И снова в Америку.

Но начнём с мальчика из Мурома.

Мальчик, которому было что терять

Владимир Зворыкин родился в 1888 году в состоятельной купеческой семье. Его отец, Козьма Алексеевич, был известным муромским предпринимателем. Семейное дело, достаток, положение в обществе — перед сыном открывалась вполне предсказуемая дорога.

Но Володю гораздо больше занимала техника.

*Владимир Зворыкин. Муром, 1906. Фотограф Николай Сажин.
Общественное достояние.*

В 1906 году он поступил в Петербургский технологический институт и оказался в лаборатории профессора Бориса Львовича Розинга.

Розинг занимался проблемой, которую тогда называли «дальновидением», — передачей изображения на расстояние.

Телефон уже позволял слышать голос человека за сотни километров. Но увидеть его? Увидеть происходящее в другом городе, другой стране, на другом континенте?

Розинг экспериментировал с электронно-лучевыми трубками. Молодой Зворыкин помогал ему в лаборатории. Именно здесь возник интерес, который определил всю его дальнейшую жизнь.

После окончания института в 1912 году Зворыкин продолжил образование в Париже, работал под руководством физика Поля Ланжевена.

Казалось, впереди блестящая научная карьера.

Но началась Первая мировая война.

Вместо лаборатории — революция

Зворыкин вернулся в Россию, служил в войсках связи, занимался радиотехникой и оборудованием для армии.

А затем наступил 1917 год.

Революция перечеркнула привычные планы. Бывший офицер и выходец из состоятельной купеческой семьи имел достаточно оснований опасаться за свою судьбу.

В 1918 году Зворыкин отправился в Сибирь.

По дороге его задержали в Екатеринбурге. Из заключения он вышел после занятия города антибольшевистскими силами, среди которых были части Чехословацкого корпуса.

Так он добрался до Омска, где действовало Временное Сибирское правительство.

Здесь неожиданногодились его знания радиотехники. Омским властям требовались средства связи и оборудование. Зворыкин получил поручение, связанное с закупкой радиотехнической аппаратуры за границей.

Но как попасть из Сибири в Америку в разгар Гражданской войны?

Ответ оказался достойным приключенческого романа.

Через Арктику — за радиостанцией

В августе 1918 года Зворыкин присоединился к северной экспедиции геолога Иннокентия Толмачёва.

Из Омска путешественники отправились по Иртышу и Оби на север, к Карскому морю. Их путь проходил через суровые арктические воды к острову Вайгач, откуда Зворыкин смог добраться до Архангельска.

Всё это происходило в стране, разорванной войной, с меняющейся властью, разрушенными транспортными связями и весьма неопределённым будущим.

Из Архангельска он направился через Скандинавию и Англию в Соединённые Штаты.

В конце 1918 года Зворыкин оказался в Америке.

Представьте себе этого человека: тридцатилетний инженер из Муром, выпускник Петербургского технологического института, ученик Розинга и Ланжевена, только что пересёкший Сибирь и Северный Ледовитый океан.

Он прибыл в страну, где электротехника развивалась с необыкновенной скоростью и где, возможно, смог бы осуществить свои научные замыслы.

Казалось бы, чего ещё желать?

Но Зворыкин решил вернуться в Россию.

Две поездки в Америку

Первая американская поездка не стала эмиграцией.

Зворыкин чувствовал себя связанным обязательствами перед правительством, отправившим его за оборудованием. Выполнив поручения, он отправился обратно в Омск.

На этот раз — через Тихий океан.

Америка, Япония, Владивосток, Харбин, Транссибирская железная дорога...

Весной 1919 года он снова оказался в Сибири.

За несколько месяцев молодой инженер фактически совершил кругосветное путешествие. Не ради путешествия как такового, а потому, что пытался продолжать профессиональную деятельность в мире, где привычные дороги перестали существовать.

И здесь в нашей истории вновь появляется имя адмирала Колчака.

В предыдущем выпуске «Вестника» мы рассказывали о Колчаке и Анне Тимирёвой. Теперь обнаруживается ещё одна неожиданная связь.

Пока Зворыкин совершал своё первое путешествие, в ноябре 1918 года Колчак пришёл к власти в Омске и возглавил антибольшевистское правительство. Вернувшись в Сибирь, Зворыкин продолжил работу по техническим поручениям уже в условиях колчаковского правления.

Он вновь получил командировку в Соединённые Штаты.

И вновь отправился за океан.

Но на этот раз история распорядилась иначе.

Осенью 1919 года, когда Зворыкин находился в Америке, положение правительства Колчака стремительно ухудшалось. В ноябре оно оставило Омск.

Возвращаться в Сибирь становилось не только опасно, но и бессмысленно.

Вторая поездка превратилась в эмиграцию.

Человек, который научил электронную трубку видеть

В 1920 году Зворыкин начал работать в компании Westinghouse в Питтсбурге.

Он вернулся к задаче, увлékшей его ещё в лаборатории Бориса Розинга: созданию электронного телевидения.

Разумеется, Зворыкин не был единственным изобретателем телевидения. Над передачей движущегося изображения работали исследователи в разных странах. История этого изобретения полна независимых открытий, технической конкуренции и патентных споров.

Но вклад Зворыкина в создание практических электронных телевизионных систем оказался исключительно важным.

В 1929 году он перешёл в RCA, где получил значительно большие возможности для исследований. Работа над передающими электронными трубками, в частности иконоскопом, стала одним из ключевых направлений развития электронного телевидения.

Владимир Зворыкин с иконоскопом — передающей телевизионной трубкой, созданной в лабораториях RCA. 1950. Общественное достояние.

Постепенно то, что в молодости Зворыкина казалось фантастикой, превратилось в повседневную реальность.

Телевидение принесло в человеческий дом новости, музыку, театр, спорт, научные открытия, события далёких стран.

Оно преодолело расстояния, которые когда-то самому Зворыкину приходилось преодолевать на пароходах, ледоколах и поездах.

Можно ли представить себе более убедительную победу технического прогресса?

Самая важная деталь телевизора

И всё же Зворыкин был далеко не в восторге от того, как использовалось его изобретение.

Его биограф Альберт Абрамсон писал, что изобретателя раздражали бессодержательные развлекательные передачи, обилие насилия на экране и недостаток образовательных и культурных программ.

Отсюда и знаменитое замечание о выключателе — лучшей детали телевизора. По крайней мере, именно в таком виде эта реплика вошла в многочисленные рассказы о Зворыкине.

Но дело было, конечно, не в самой возможности передавать изображение.

Техника сделала своё дело.

Вопрос заключался в том, что с этой возможностью сделал человек.

И здесь история неожиданно возвращает нас в Кливленд.

В Русском культурном саду, на стенде, посвящённом выдающимся американцам русского происхождения, Владимир Зворыкин представлен рядом с Сергеем Рахманиновым и Владимиром Набоковым. Этот стенд — на обложке нашего выпуска.

Три совершенно разные судьбы. Три человека, покинувшие Россию и оставившие заметный след в мировой культуре.

Один создавал музыку. Другой — литературу. Третий — технологию, благодаря которой музыка, театр, литература и сама история получили возможность приходить в миллионы домов.

И всё же изобретатель считал необходимым напоминать: у этой технологии есть выключатель.

Прометей перед экраном

*Гюнтер Андерс — о человеке, который
отстал от собственных машин.*

Прометей похитил у богов огонь и подарил его людям. С тех пор человечество научилось создавать удивительные вещи — от паровой машины до атомной бомбы, от телевизора до искусственного интеллекта.

Но что, если однажды творения человека окажутся совершеннее и могущественнее самого создателя? Если мы научимся производить то, последствия чего уже не способны представить?

Немецко-австрийский философ Гюнтер Андерс посвятил этому парадоксу значительную часть своей жизни.

Философ из поколения катастроф

Гюнтер Андерс родился в 1902 году в Бреслау под именем Гюнтер Штерн. Он вырос в семье психологов — его отец, Вильям Штерн, ввёл понятие коэффициента интеллекта, IQ. Сам Гюнтер изучал философию у Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера.

На семинарах Хайдеггера он познакомился с Ханной Арендт, будущим выдающимся политическим философом. В 1929 году они поженились. После прихода нацистов к власти оба оказались в эмиграции во Франции. Их брак завершился разводом в 1937 году, но интеллектуальная и человеческая связь сохранилась.

Гюнтер Штерн (Андерс) и Ханна Арендт, ок.
1929. Фотограф неизвестен. Библиотека
Конгресса США. Общественное достояние.

В 1936 году Андерс уехал в Соединённые Штаты, где работал на фабрике и в Голливуде. Знакомство с американским обществом массового производства и потребления оказало большое влияние на его философию.

После войны он вернулся в Европу и поселился в Вене.

В 1956 году вышел первый том его главного труда — *Die Antiquiertheit des Menschen*.

Моральный износ человека

Название книги обычно переводят как «Устарелость человека» или «Устаревание человека».

Однако речь у Андерса не просто об устаревании. Человек создаёт всё более совершенные технические устройства, но его способность осмысливать последствия собственных действий не успевает за возможностями техники.

Во время обсуждения на наших «Философских посиделках» неопубликованного пока перевода книги Андерса, сделанного Светланой Столяровой и Лилией Цибизовой, мы предложили другой вариант перевода названия — «Моральный износ человека».

В русском языке это выражение — экономический термин. Так говорят о машине, которая ещё исправна, но уже устарела, потому что появились более совершенные. Именно это, по Андерсу, и происходит с человеком. Поэтому, как нам кажется, такой вариант точнее передаёт тревогу философа.

Прометеева пропасть

Андерс называет «Прометеевой пропастью» разрыв между тем, что человек способен произвести, и тем, что он способен вообразить, понять и нравственно осмыслить.

Мы можем создать оружие, способное уничтожить целые города, но не в состоянии по-настоящему представить масштаб человеческих страданий, которые оно причинит.

Рядом возникает другое понятие — «Прометеев стыд»: чувство собственной неполноценности перед совершенством созданных нами машин.

Машина не устаёт, не сомневается, не стареет так, как человек. Она выполняет свою задачу с точностью, недоступной человеку.

И постепенно человек начинает оценивать себя по меркам собственных технических творений.

Но Андерса интересовали не только грандиозные технологические угрозы. Он обнаружил не менее удивительный парадокс в самой обыкновенной гостинице.

Массовый отшельник

Когда-то, чтобы стать частью массовой аудитории, людям приходилось собираться вместе — в театре, на площади, в концертном зале.

Телевидение изменило эту ситуацию.

Теперь миллионы людей сидели каждый в собственной комнате, но смотрели одни и те же передачи, слышали одни и те же голоса, воспринимали мир через одинаковые изображения.

Андерс назвал такого человека «массовым отшельником».

Он физически одинок, но его сознание включено в массовое потребление.

И здесь философ обнаруживает ещё один перевёртыш.

Производитель, который платит за свой труд

В привычном нам мире производитель получает деньги за созданный продукт, а потребитель платит за его приобретение.

Но перед телевизором эта схема переворачивается.

Человек становится добровольным производителем самого себя как массового потребителя.

Он делает это в свободное время, с удовольствием и, как правило, не осознавая, что занят производством.

И самое удивительное — не получает за этот труд вознаграждения, а сам оплачивает возможность его выполнять.

Раньше производителю платили за изготовленный продукт. Теперь человек платит за то, чтобы произвести из себя потребителя, готового платить за новые продукты.

Получается почти идеальная экономическая модель: производитель сам оплачивает своё производство, а готовый продукт — он же — обеспечивает спрос на новые товары и развлечения.

Вот в чём заключался парадокс, замеченный Андерсом ещё в эпоху раннего массового телевидения.

Интернет: сеть массовых отшельников

Интернет связал массовых отшельников в единую сеть.

Теперь они могут общаться, обмениваться мнениями, создавать собственные тексты, фотографии и видео.

Казалось бы, отшельничество закончилось.

Но произошло нечто ещё более интересное.

Человек стал не только потребителем, но и поставщиком содержания для других потребителей — нередко бесплатно, добровольно и с большим энтузиазмом.

А цифровые платформы научились превращать его внимание, привычки и даже общение в экономическую ценность.

Так парадокс Андерса получил неожиданное продолжение: человек не только производит себя как потребителя, но и участвует в создании среды, которая будет формировать его дальше.

Андерс умер в 1992 году, не дожив до эпохи социальных сетей. Поэтому это уже не его собственное наблюдение, а попытка продолжить его мысль в нашем времени.

Зворыкина огорчало, что телевидение отдавало знанию и искусству несоизмеримо меньше места, чем пустым развлечениям. Интернет предоставил человеку ещё более широкие возможности общения, творчества и познания. Но воспользовались ли мы ими так, как могли бы?

И всё же вопрос Андерса звучит сегодня с новой силой: насколько самостоятельно мы формируем свои желания, интересы и представления о мире?

*Прометей подарил человеку огонь.
Теперь человек сидит перед экраном,
освещённым этим огнём, — и всё ещё
пытается понять, кто кем управляет.*

Бунин. Время человеческое

К 156-летию со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина

*Иван Бунин, 1933 — год Нобелевской премии.
Нобелевский фонд. Общественное достояние.*

22 октября исполняется 156 лет со дня рождения Ивана Бунина — первого русского писателя, удостоенного Нобелевской премии по литературе.

Перечитывать его «Окаянные дни» сегодня — занятие непростое. В этих дневниковых записях революционных лет столько гнева, горечи и беспощадной наблюдательности и, увы, сходства с современностью, что порой хочется закрыть книгу.

Но Бунин удивительным образом умел видеть одновременно и страшное, и прекрасное. Человеческая ложь вызывала у него почти физическое отвращение, а золотой месяц над

вечерней Одессой — восторг, от которого наворачивались слёзы.

И всё это на страницах одного дневника.

Ложь, которая становится второй натурой

Бунин много размышляет о человеческой способности верить в то, во что отчаянно хочется верить. Он замечает, как рождаются слухи, как обрастают выдуманными подробностями и как даже вполне разумные люди начинают повторять очевидную неправду.

*«И все это от нестерпимой жажды, чтобы было
так, как нестерпимо хочется».*

ИВАН БУНИН, «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

Но ещё интереснее его наблюдение о лжи особого рода — той, которая постепенно перестаёт осознаваться самим человеком.

«Все было. Да была и привычная корысть лжи, за которую так или иначе награждали. „Я верю в русский народ!“ За это рукоплескали». И далее Бунин пишет о людях, которые так привыкли выступать в роли друзей народа, молодёжи и всего светлого, что сами уверовали в искренность своих чувств.

«Но ведь это лживость особая, самим человеком почти несознаваемая, привычная жизнь выдуманными чувствами, уже давно, разумеется, ставшими второй натурой, а все-таки выдуманными».

«Необыкновенный сюжет для романа, и страшного романа», — заключает он.

И действительно, что может быть страшнее человека, который уже не отличает собственные убеждения от тех, которые привык изображать?

С тех пор прошло больше века. Человеческая природа, похоже, не слишком изменилась.

Из одного дерева — и дубина, и икона

Но Бунин не был бы Буниным, если бы за его гневом не стояло нечто большее.

Размышляя о противоречиях русского характера, он вспоминает народную поговорку:

«Из нас, как из древа, — и дубина, и икона».

ИВАН БУНИН, «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

И продолжает: всё зависит от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает — Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв.

А затем задаёт вопрос, который многое объясняет в его собственном отчаянии:

«Если бы я эту „икону“, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?»

В этих словах — не только отчаяние свидетеля исторической катастрофы. В них любовь, без которой, вероятно, не было бы и такой боли.

И вдруг среди размышлений о судьбах России, о лжи, о насилии и человеческой природе возникает совсем другая тема.

Который час?

По-ихнему уже восемнадцатое

5 февраля 1918 года Бунин записывает в Москве:

«С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое».

Речь о переходе России с юлианского календаря на григорианский. Согласно декрету Совнаркома, после 31 января 1918 года наступило сразу 14 февраля.

Тринадцать дней исчезли из календаря. Из человеческой жизни, разумеется, ни одного.

Но Бунин продолжал датировать свои записи по старому стилю. Одесская часть «Окаянных дней» открывается пометкой: «12 апреля (старого стиля)».

Его маленькое «по-ихнему» говорит о многом. Государство могло изменить календарь, но заставить человека внутренне принять новое летоисчисление оказалось сложнее.

Впрочем, календарём дело не ограничилось.

Восемь вечера. Или половина одиннадцатого?

В апреле 1919 года в Одессу, которую только что оставили французы, вошли красные.

Конница атамана Григорьева, воевавшего тогда на стороне красных, вступает в Одессу после эвакуации французов. Апрель 1919. Надпись на открытке: «Одеса 1919 р. Вступ Червоної Армії після евакуації французів». Общественное достояние.

21 апреля 1919 года по старому стилю — 4 мая по новому — Бунин возвращается с прогулки по городу. Он закрывает ставни и замечает:

Сейчас (8 часов вечера, а по-«советскому» уже половина одиннадцатого) закрывал, возвратясь с прогулки, ставни: ломоть месяца, совсем золотой, чисто блестит сквозь молодую зелень дерева под окном на очистившемся западном небе, тонком и еще светлом.

ИВАН БУНИН, «ОКАЯННЫЕ ДНИ», 21 АПРЕЛЯ 1919

Восемь вечера — а по официальным часам уже половина одиннадцатого!

Откуда взялись лишние два с половиной часа?

Мы решили разобраться.

Пулковский меридиан и загадочные часы

До появления часовых поясов города жили по местному солнечному времени. Полдень определялся положением солнца, поэтому в разных городах часы показывали немного разное время.

Земля поворачивается на 15 градусов за час. Следовательно, один градус долготы соответствует четырём минутам времени.

Москва расположена восточнее Одессы почти на семь градусов. Разница — без малого полчаса: когда в Одессе по солнцу был полдень, в Москве было уже около половины первого.

А теперь ещё одна почти забытая подробность.

В Российской империи существовало Пулковское время — время меридиана знаменитой Пулковской обсерватории под Петербургом. Оно использовалось, в частности, на железных дорогах, где единый отсчёт был необходим для расписаний и движения поездов. Любопытно, что Петербург и Одесса лежат почти на одном меридиане, так что пулковское и одесское солнечное время расходились всего на пару минут.

Революция добавила к этой старой путанице новые правила.

30 мая 1918 года Совнарком постановил перевести часы на два часа вперёд ради экономии осветительных материалов. Осенью стрелки вернули назад лишь на один час.

Получается, что весной 1919 года московские часы шли на час впереди московского солнца. Добавим полчаса разницы меридианов — и выйдет примерно полтора часа. Но не два с половиной!

Где же ещё один час?

Скорее всего, он прятался в самой Одессе. За 1918–1919 годы власть в Одессе менялась много раз — красные, австрийцы при гетмане, белые и французы, снова красные, — и время переводили вместе с властью. Центральная рада вводила средневропейское время, гетманская Украина — восточноевропейское, Советская Украина в начале 1919 года — свои переводы стрелок.

Самое правдоподобное объяснение: часы Бунина показывали время, по которому Одесса жила до прихода большевиков, а «советские» — новое, декретное. Но какое именно время действовало в Одессе весной 1919 года, нам пока не удалось установить по документам.

Помогите нам найти потерянный час

Если вам встречались распоряжения одесских властей о времени весной 1919 года, воспоминания или письма, где упоминаются часы в Одессе и Киеве тех лет, — напишите нам. Самое интересное мы опубликуем.

НАПИСАТЬ В «ВЕСТНИК»

board@russianguarden.org

«По-нашему, по-советски, пять!»

29 мая 1919 года Совнарком постановил перевести часы ещё на час вперёд. В Одессе, по-видимому, это сделали чуть позже: Бунин отмечает перемену 31 мая по старому стилю — то есть 13 июня по новому.

«Часы переведены еще на час вперед — сейчас по моим десять утра, а „по-советски“ половина второго дня».

Теперь между его часами и советскими — три с половиной часа.

А 11 июня Бунин записывает рассказ дворника Фомы о красноармейце, который останавливает на улице прохожего:

«Товарищ гражданин, который час?» А тот сдуру вынет часы и брякнет: «Два часа с половиной». — «Как... два с половиной, когда теперь по-нашему, по-советски, пять? Значит, ты старого режима?»

ИВАН БУНИН, «ОКАЯННЫЕ ДНИ», 11 ИЮНЯ 1919

Дальше часы летят на мостовую.

Цифры в этом уличном рассказе не сходятся с бунинскими — это пересказ, а не хронометраж. Но сама сцена говорит больше любых цифр: время стало вопросом лояльности. По тому, что показывают твои часы, можно было определить, «старого ли ты режиму».

Получается почти фантастическая картина: в одном городе люди живут по разным часам, спорят о времени, а государство издаёт всё новые постановления, пытаясь установить единый порядок.

И всё-таки солнце продолжает вставать и заходить независимо от декретов.

Час, который нам вернут

Впрочем, не стоит слишком удивляться одесситам 1919 года.

Мы сами до сих пор дважды в год переводим часы.

Совсем скоро, в ночь на 1 ноября 2026 года, в Кливленде в два часа ночи стрелки вернутся к часу. Мы получим целый дополнительный час.

Можно будет поспать подольше. Можно провести его за книгой, за разговором или просто не заметить этого подарка.

Но разве время действительно вернётся?

Солнце не изменит своего пути. Осенний день не станет длиннее. Мы всего лишь договоримся иначе называть часы его наступления и окончания.

В этом есть что-то одновременно разумное и смешное: человечество научилось измерять время с невероятной точностью, но продолжает спорить, как именно его следует показывать на циферблате.

А Бунин почти сто восемь лет назад смотрел на золотой месяц над Одессой и видел нечто, что не нуждалось ни в каком официальном подтверждении.

То, что остаётся

В 1918 году, среди исторических потрясений, Бунин написал стихотворение всего из восьми строк.

В нём нет ни революции, ни споров о календарях, ни обвинений в человеческой лживости.

Есть цветы, шмели, полевые дороги, летний зной — и воспоминание о счастье.

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного
спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

ИВАН БУНИН, 1918

Резанов, Вишневская и новая площадь Сада

«Юнона и Авось» — история любви, знакомая нескольким поколениям зрителей. Но что произошло на самом деле, когда 220 лет назад граф Николай Резанов отправился к берегам Калифорнии? К дню рождения Николая Караченцова мы отправимся за кулисы знаменитой театральной легенды.

Мы также отметим 100-летие со дня рождения великой певицы Галины Вишневской.

А из Русского культурного сада придут долгожданные новости: завершение строительства новой входной площади.

Покажем, как преобразился Сад, и расскажем о людях, благодаря которым этот проект стал реальностью.

Поддержите Русский культурный сад

Сад живёт благодаря друзьям. Ваше пожертвование помогает ухаживать за Садом, продолжать Аллею славы, создавать Музыкальный уголок Рахманинова и выпускать «Вестник». Для нас важна любая сумма: \$10, \$25 или \$100 — каждый вклад помогает Саду расти.

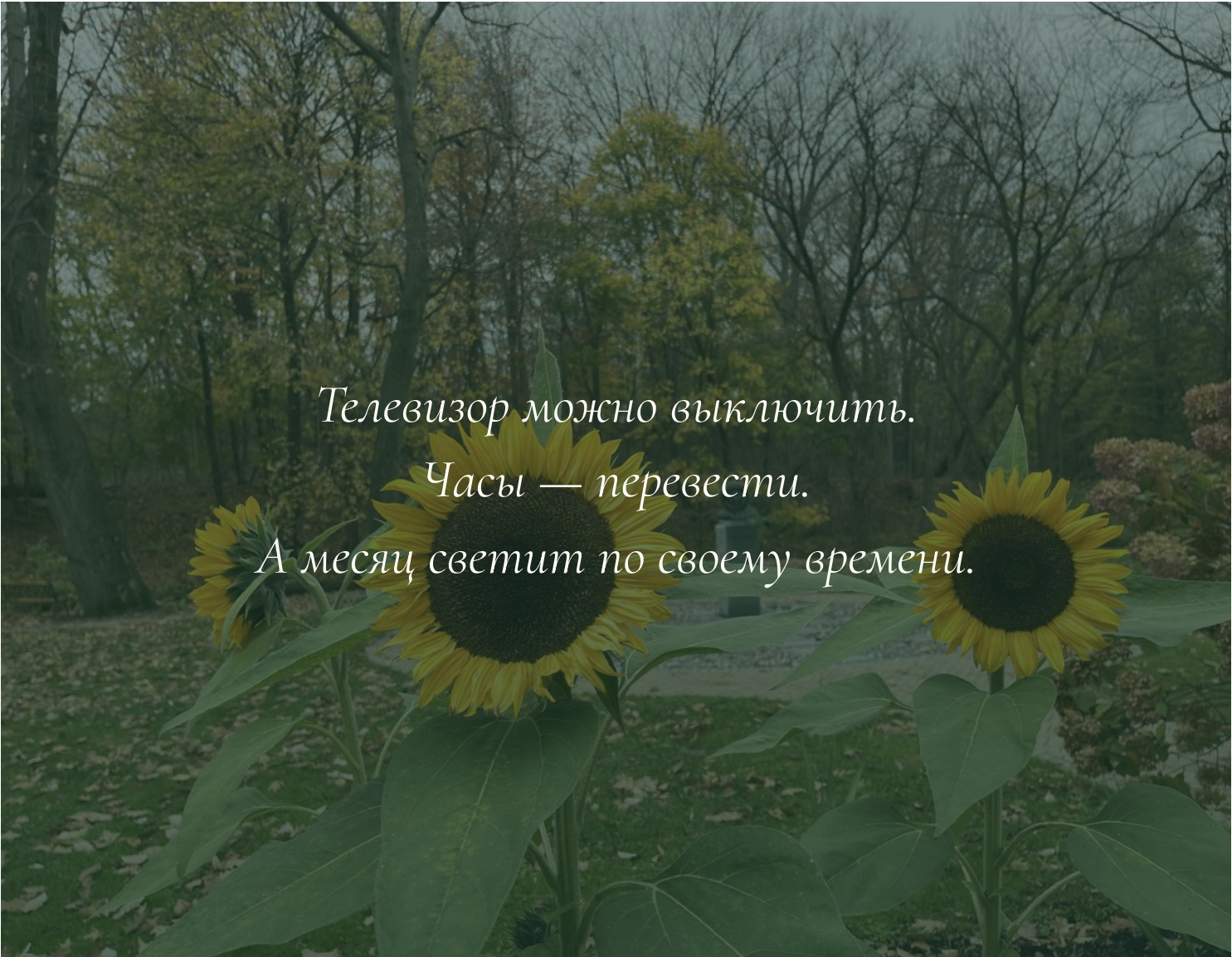
Чтобы увековечить имя на Аллее славы, рекомендуемое пожертвование — **\$250**. Имена спонсоров публикуются на RussianGarden.org. Пожертвование можно посвятить в честь или в память дорогого вам человека.

Zelle:

board@russiangarden.org

Russian Cultural Gardens

A photograph of several bright yellow sunflowers in the foreground, with a background of trees showing autumn foliage in shades of green and yellow. The scene is slightly overcast.

*Телевизор можно выключить.
Часы — перевести.
А месяц светит по своему времени.*

Оставайтесь на связи

«Вестник Русского сада» — цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд: постоянная летопись жизни Сада для всех, кто когда-либо называл его своим.

Ссылки

[САЙТ РУССКОГО САДА](#)

[FACEBOOK](#)

[THE FORUM OF MINDS](#)

[SOCRATESQ](#)

[СКАЧАТЬ PDF](#)

[АРХИВ](#)

[ПРЕДЫДУЩИЙ ВЫПУСК \(№19\)](#)

В этом выпуске

САМАЯ ВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ ТЕЛЕВИЗОРА

ПРОМЕТЕЙ ПЕРЕД ЭКРАНОМ

БУНИН. ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Вестник Русского сада · Выпуск №20 · 22 октября 2026

Выпуск подготовила Светлана Столярова.

Фотографии на обложке и в разделителях — фото редакции. Исторические фотографии — общественное достояние.

Издание Русского культурного сада Кливленда · [Read in English](#)